

В словаре Цинь Цзэюаня не было слова «промедление»: если что-то нравится — значит, нравится сейчас, а любое топтание на месте лишь отдалит Сюй Сицзина. Тот же оторопел. Попытался высвободить руку — не вышло. Цинь Цзэюань сжал её ещё крепче:

— Такая любовь, когда хочешь быть с тобой всегда и заботиться о тебе.

Сюй Сицзин не одобрял манеры затевать серьёзные разговоры за рулём и, слегка дрогнув, выдавил:

— Господин, может, сначала дорогу...

Цинь Цзэюань усмехнулся и отпустил его руку. Он и не ждал идеального ответа, но то, что Сюй Сицзин ушёл от темы, ясно говорило: в его сердце для Цинь Цзэюаня места нет.

Дорога туда и обратно отняла немало времени, так что Цинь Цзэюань повёз Сюй Сицзина напрямик в ресторан — там их уже ждали приглашённые педагоги. Формально перед экзаменами такие встречи были недопустимы, но правила писались для обычных людей. Для таких, как Цинь Цзэюань, пригласить преподавателей, обсудить пару проектов, выполнить мелкие просьбы — всё к обоюдной выгоде, почему бы и нет.

Цинь Цзэюань не хотел пугать Сюй Сицзина перед встречей и портить впечатление педагогам, поэтому пропустил предыдущий разговор и поддразнил:

— Я тебя к наставникам сводил, а через несколько дней тётушка устроит мне свидание — ты тоже поедешь.

Сюй Сицзин никак не мог понять, что творится в голове у Цинь Цзэюаня. С того дня, как он застал его в отеле с другим, будто прорвало какую-то плотину — Цинь Цзэюань стал вести себя странно. Сюй Сицзин не знал, как на это реагировать, и после долгих раздумий всё же высказался:

— Господин, если вам что-то нужно, скажите прямо. Я... при таком вашем поведении я не могу угадать ваши мысли.

Цинь Цзэюань опешил — не думал, что его напор способен кого-то напугать. Пришлось сбавить тон и успокаивать:

— Хватит называть меня «господином». Зови, как раньше, — «старший брат».

Сказав это, он уставился на Сюй Сицзина пылающим взглядом. Тот понимал: будь он примерным любовником, следовало бы тут же позвать «старшего брата» и угодить Цинь Цзэюаню. Но слова застревали в горле.

Цинь Цзэюань ждал, Сюй Сицзин молчал. Разочарование накатило волной, но Сюй Сицзин опередил его:

— Господин, то, что тогда... в степи... я правда не держу на вас зла. И вчера я не хотел вам мешать. Вам не нужно меня ни компенсировать, ни утешать. Давайте всё останется как было. Или... если вы пресытились, просто скажите. Не надо вот так.

Тут Цинь Цзэюань наконец вкусил горькие плоды своих действий — кисло-терпкие, до слёз. А Сюй Сицзин всё не поднимал головы, лишь старательно обдирал заусенец на пальце, пока не добрался до живого мяса. Выступила капелька крови, он шикнул от боли. Цинь Цзэюань ловко

оторвал кусок салфетки и обернул палец.

— Сильно болело? Тогда. — Он держал его пальцы, аккуратно заворачивая. Пальцы у Сюй Сицзина были тонкие, почти хрупкие на вид. Закончив, Цинь Цзэюань, словно малышу, дунул на перевязку.

Сюй Сицзин вздрогнул от его дыхания и дернул руку, сжав забинтованный палец в кулак. — Нет. Совсем не больно.

Цинь Цзэюань, хоть и горел нетерпением, понимал — давить нельзя. К счастью, зазвонил телефон: педагоги уже у входа. Он повёл Сюй Сицзина встречать.

За обедом больше говорили, чем ели. Сюй Сицзин уже имел актёрский опыт, да и Цинь Цзэюань пообещал учебному заведению кое-какие выгоды, так что расстались все довольные. Преподаватели не скупилась на похвалы, клятвенно заверяя, что сделают из Сюй Сицзина будущую гордость альма-матер.

Сюй Сицзин сохранял трезвость ума, не позволив лести вскружить голову, чем ещё больше расположил к себе педагогов: такие скромные, не зазнающиеся студенты нынче редкость. Цинь Цзэюань тоже сиял — будто его собственное чадо блистало талантами.

Вернувшись вечером в апартаменты, Сюй Сицзин столкнулся с дилеммой. Пока Цинь Цзэюань мылся, он обошёл все комнаты и с удивлением обнаружил, что гостевой действительно нет. На втором этаже было две комнаты: одну, солнечную, Цинь Цзэюань переоборудовал в кабинет, другую, тёмную, — в комнату для удалённых совещаний. Пришлось Сюй Сицзину, прижав к груди пижаму, устроиться на диване. И лишь тогда до него дошло: он попал в расставленную Цинь Цзэюанем ловушку.

Цинь Цзэюань, казалось, полностью погрузился в атмосферу собственной безответной любви и не собирался из неё выныривать. Сюй Сицзин, не зная, как реагировать, решил не шевелиться — авось само рассосётся. Он даже слегка пожалел, что Цинь Цзэюань не довёл дело с Сунь Вэем до конца, — может, тогда его внимание переключилось бы на кого-то другого.

Выйдя из душа и увидев Сюй Сицзина, съёжившегося на диване с пижамой в обнимку, Цинь Цзэюань не удержался, подошёл и поднял его на руки. Сюй Сицзин был худющим. Цинь Цзэюань слегка подбросил его, ощутив, что тот и вправду не отличается богатырским сложением, — скорее, тщедушный, недокормленный.

Сюй Сицзин перепугался и инстинктивно обвил руками шею Цинь Цзэюаня. Тот, весьма довольный, отнёс его в ванную и, словно очищая яйцо от скорлупы, раздел догола. Взяв душ, сказал:

— Давай, я тебя помою.

Они делили ложе уже несколько дней, но Цинь Цзэюань так и не переходил к тому самому. Медленно соображающий Сюй Сицзин наконец уловил разницу между отношением к «возлюбленному» и к «любовнику».

Конечно, Сюй Сицзин не думал, что Цинь Цзэюань и вправду безумно влюблён. Просто человек наверху решил позабавиться, поиграть в новые ощущения. Сюй Сицзин, зависящий от его милости, не мог не играть по его правилам.

Впрочем, и сам он был занят по горло. Новый сингл группы уже выпущен и доступен на всех

музыкальных платформах; за день он успевал дать несколько интервью на разных программах; с обеда до вечера занимался актёрским мастерством в киноинституте; а в редкие свободные минуты осваивал основы живописи. Так что особо размышлять о Цинь Цзэюане времени не оставалось.

Они и не общались несколько дней — Цинь Цзэюаня то и дело вызывали в старую усадьбу, где родители читали ему наставления. Сюй Сицзин понимал: в ближайшие год-два Цинь Цзэюань наверняка уйдёт в политику. И мать торопится с женитьбой именно поэтому — могущественные родственники добавят ему веса.

В тот день у Сюй Сицзина не было работы, все дела были переделаны заранее, и после обеда он беззаботно спал дома. Его и застали в полусне. Цинь Цзэюань, должно быть, насмотрелся на самых разных девиц, и от усталости раздражительность его лишь возросла. Он достал из шкафа несколько вещей и швырнул на кровать:

— Одевайся. Поедем.

Сюй Сицзин, всё ещё сонный, протянул:

— Зачем переодеваться?

Цинь Цзэюань, недовольный его медлительностью, сам принялся его одевать. В комнате было жарко от отопления, движения его были резкими, и волосы Сюй Сицзина встали дыбом от статики, затем прилипли к лицу, щекоча кожу. Тот невольно крикнул. Цинь Цзэюань, смеясь, поднял его:

— Не капризничай, вставай. Пора ехать со мной на свидание.

Сюй Сицзин не ожидал, что Цинь Цзэюань и вправду возьмёт его с собой, и тут же оттолкнул его руку:

— Я не поеду!

В конце концов, он же публичное лицо. Он уселся на кровать:

— Господин, вы же сами учили меня, что «публичному человеку» не следует болтаться где попало. А теперь хотите тащить меня на такое мероприятие? Найдите кого-нибудь другого, я не справлюсь.

Он уже слышал, что Цинь Цзэюань на свиданиях придирается ко всему подряд, пробует одну девушку за другой — и ни одна не годится. Статус семей соответственно понижался. Ло Юньтин уже на взводе, а Цинь Цзэюань и ухом не ведёт. В высших кругах только об этом и говорили.

Цинь Цзэюань был молодым талантом — и происхождение подходящее, и внешность. Не то что бестолковый мот, только и знающий, что яхты да казино, и не пустой красавчик без мозгов. Пусть и балуется с мужчинами — не такой уж страшный порок в их среде. Всё равно нужно жениться и продолжить род.

Но если на свиданиях Цинь Цзэюань просто отбывал номер, то явиться туда с Сюй Сицзином — это уже нечто иное. Сюй Сицзину от одной мысли становилось не по себе. Зачем ему идти? Демонстрировать свою значимость? Доказывать потенциальной невесте, что Цинь Цзэюань и вправду любит мужчин?

<http://bllate.org/book/16267/1463848>